

лектуальных условий, когда стремление к «внутренней свободе», несмотря на внешнее подавление, не угасало, а напротив, лишь возрастало и ждало момента, чтобы вырваться вовне.

Библиографический список

1. Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания в 2 т. Т. I.: Воспоминания Н.В. Шелгунова. М., 1967.
2. Кузнецов Ф.Ф. Круг Писарева. М., 1990.
3. Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания в 2 т. Т. II.: Воспоминания Л.П. Шелгуновой и М.Л. Михайлова. М., 1967.
4. Штакеншнейдер Е.А. Дневники и записки (1854–1886). М., 1934.
5. Пыпин А.Н. Мои заметки. М., 1910.
6. Манчестер Л. Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015.

Т.В. Кроз

Высшая школа экономики, г. Москва

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ КАК ОБЪЕКТ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

«Члены съезда благотворителей в Петербурге отрицают частную подачу милостыни (какой абсурд!)... Нет, гг. благотворители, частная благотворительность спасает от голода, дает нуждающемуся жизнь и предоставляет подающему милостыню лучший способ вспомнить о Боге и, вместе с тем, доставить своему сердцу самое приятное чувство, какое всегда человек может получить от его сострадания к ближнему» [1, с. 3], – писало в марте 1910 года «Русское знамя», откликаясь на труды Первого Всероссийского съезда деятелей по общественному и частному призрению.

К началу XX века обсуждение проблем общественного призрения становится частью формирования нового языка социальной политики. В публичном пространстве пересекаются различные языки описания помощи, между которыми разворачивается спор о смысле общественного участия. В этой полифонии голосов возникает конфликт, зафиксированный в реплике «Русского знамени»: между традицией частной благотворительности и новым пониманием помощи как системы знания и управления.

Складывание профессионального сообщества «деятелей по призрению» стало результатом процессов, начавшихся после реформ 1860-х годов, когда благотворительность перестала пониматься как частное дело милосердия. К рубежу XIX–XX веков формируется представление об «общественном призрении» как форме гражданской ответственности и части социальной политики [5, с. 165]. Внутри благотворительных ведомств складывается профессиональная среда, где вырабатываются аналитические подходы и методы статистического учета. Развитие профильных комиссий, специали-

зированных журналов и участие российских представителей в международных конгрессах создают пространство обмена и общий язык обсуждения. Так оформляется сообщество «деятелей по призрению» – группы экспертов, для которых бедность становится социальным фактом, подлежащим измерению и реформированию.

Чтобы описать механизмы этого процесса и понять, как формировались границы нового социального знания, исследование опирается на понимание дискурса как формы производства знания и власти [10, с. 111-112], а также на идеи А. Линдермейер о формировании слоя экспертов в сфере общественного призрения и наблюдения Дж. Брэдли о связи рационализации помощи с управлением социальной опасностью и дисциплинированием бедности [12, с. 76] [11, с. 249-250]. Понимание рационализации соотносится также с веберовской трактовкой этого процесса как перехода от ценностно-мотивированных форм действия к целерациональным, основанным на расчете, знании и предсказуемости [2, с. 84-86]. Такая перспектива позволяет рассматривать рационализацию не только как проявление бюрократизации, но и как изменение принципов легитимации социальной практики.

Показательным примером становления такого профессионального пространства стал Союз деятелей по общественному и частному призрению, объединявший чиновников, профессоров, представителей земства и городского самоуправления (4, оп. 117. д. 128. лл. 1-2). Хотя Союз оставался немногочисленным, его деятельность показывает, как складывались формы экспертного участия. Союз рассматривал себя как посредника между благотворительными учреждениями и государственными структурами, как площадку выработки единого языка и системы знаний [9, с. 1-2]. Он занимался сбором статистических данных, организацией обмена опытом и подготовкой Всероссийских съездов по общественному и частному призрению 1910 и 1914 годов [6, оп. 2. д. 1821. лл. 35, 37, 42-46, 71] [3, с. 4-8], где идеи рациональной организации помощи получили институциональное выражение [7][8].

Участники съездов, среди которых были профессора, чиновники благотворительных ведомств, представители местного самоуправления и филантропических учреждений, стремились представить призрение как единую и рационально организуемую систему, тогда как отклики ежедневной прессы показывают, что этот профессиональный язык нередко расходился с традиционными представлениями о роли благотворительности, вскрывая неоднородность публичного пространства.

Рассматриваемые процессы показывают, что обращение к теме призрения в начале XX века становится не только ответом на социальные вызовы, но и способом конструирования нового общественного опыта. Через обсуждение помощи артикулируются представления о порядке, ответственности и возможности преобразования социальной действительности. В этом

смысле признание становится не просто областью социальной политики, а пространством, в котором общество вырабатывает язык для осмысления собственных границ, механизмов и форм коллективного существования.

Библиографический список

1. Благотворители против благотворительности // Русское знамя. 1910. 25 марта. № 68.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Изд-во «Терра», 1990.
3. Всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению. Отчет о деятельности Союза за год с марта месяца 1910 г. по май 1911 г. СПб.: Типография И. В. Леонтьева, 1911. С. 4-8.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102.
5. Призрение общественное / под ред. Герье В.И. // Энциклопедический словарь «Брокгауз и Ефрон». Т. 49. СПб., 1898. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10180/#page/175/mode/1up> (дата обращения: 03.05.2025)
6. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 763.
7. Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8-13 марта 1910 г. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1910.
8. Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11-16 мая 1914 г. Том I. Доклады и журналы заседаний. Петроград: Тип. В. Безобразов и Ко, 1914.
9. Устав Всероссийского союза учреждений, обществ, деятелей по общественному и частному призрению. Тип.: Министерства Внутренних дел, 1908.
10. Фуко М. Археология знания. М.: Канон+, 2004.
11. Bradley J. Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles; London : University of California Press, 1985.
12. Lindenmeyr A. Poverty is not a vice: charity, society, and the state in imperial Russia. Princeton University Press, 1996.

В.А. Иванов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

КРЕСТЬЯНСТВО КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО РАСИЗМА: АНАЛИЗ ГУБЕРНАТОРСКИХ ОТЧЕТОВ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1891-1904)

Крестьянство в Российской империи являлось специфическим «Другим» для высших слоев общества. Различные политические и общественные акторы рассматривали и описывали сельских жителей через категории отсталости, неразвитости и дикарства. Для описания этого явления применим термин социальный расизм. Историк М.А. Давыдов определяет его как восприятие «крестьян как представителей какого-то другого, низшего вида Homo sapiens <...>, никоим образом не равного им [дворянам]» [3, с. 67]. Таким образом формировался определенный дискурс, который очерчивал границы описания и постановки крестьянской проблемы.